

№1582к

а. **благов**

перестройка

стихи

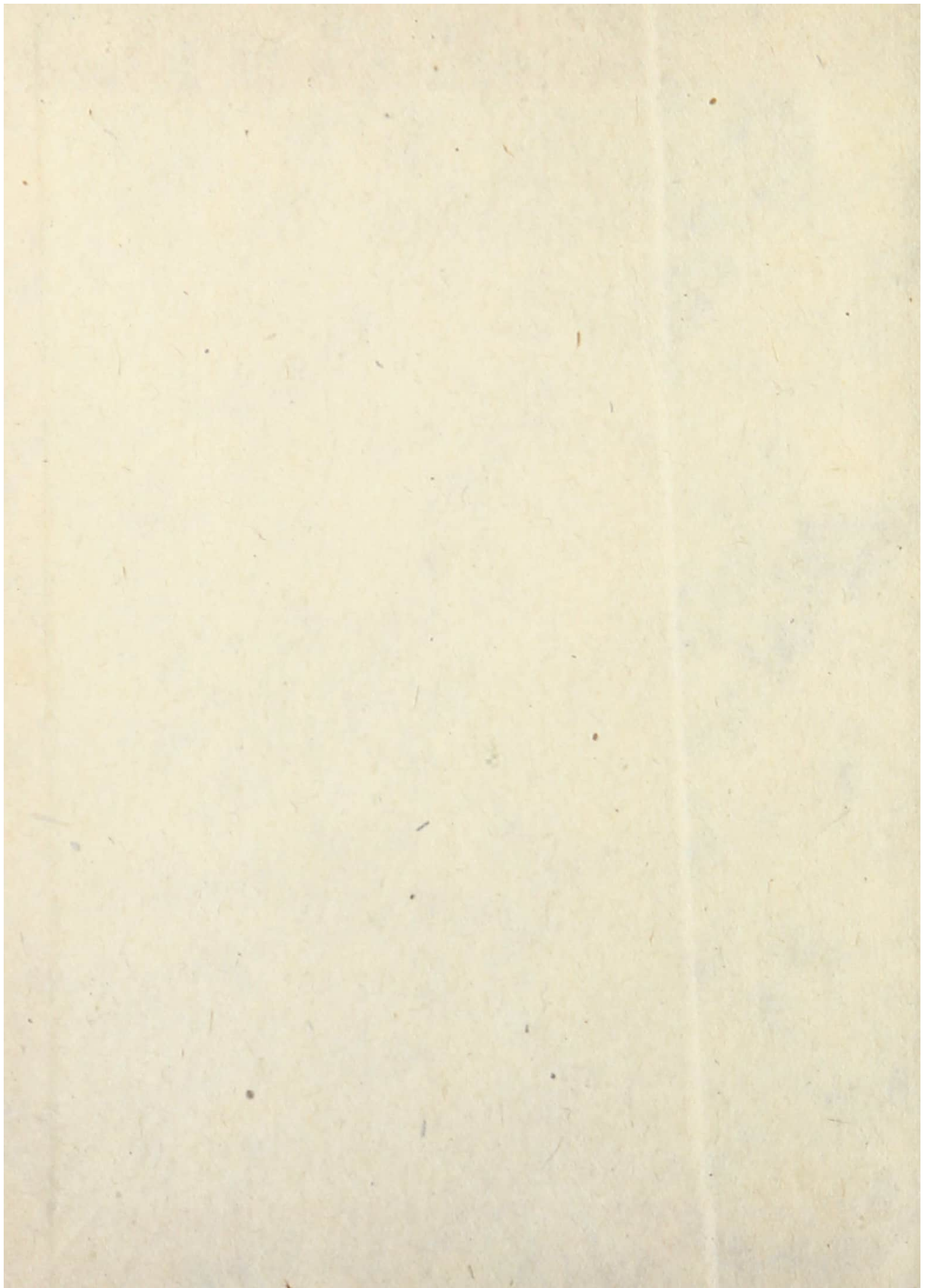
1933

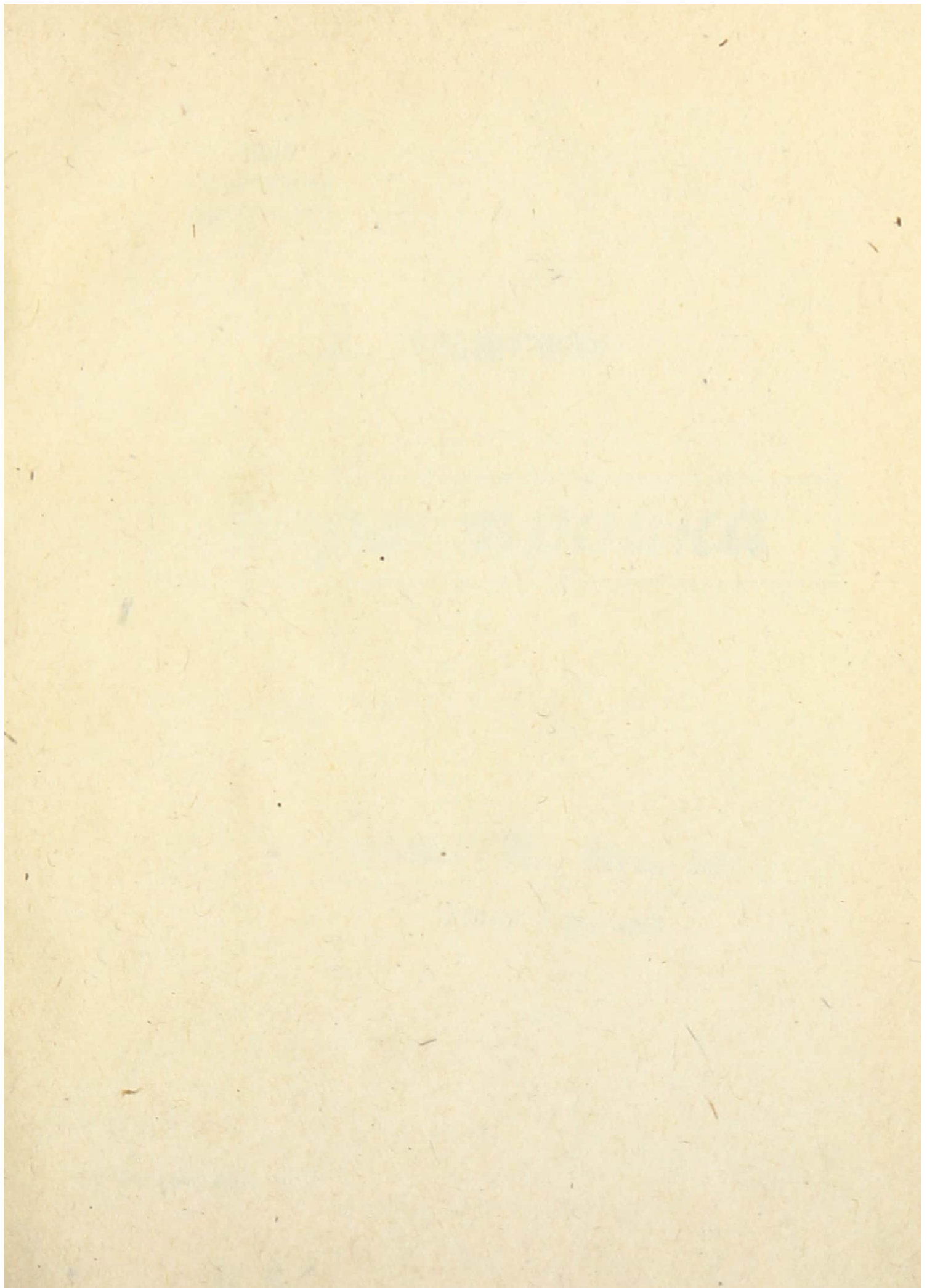
Ивановская Осл. Научн. Библиот.

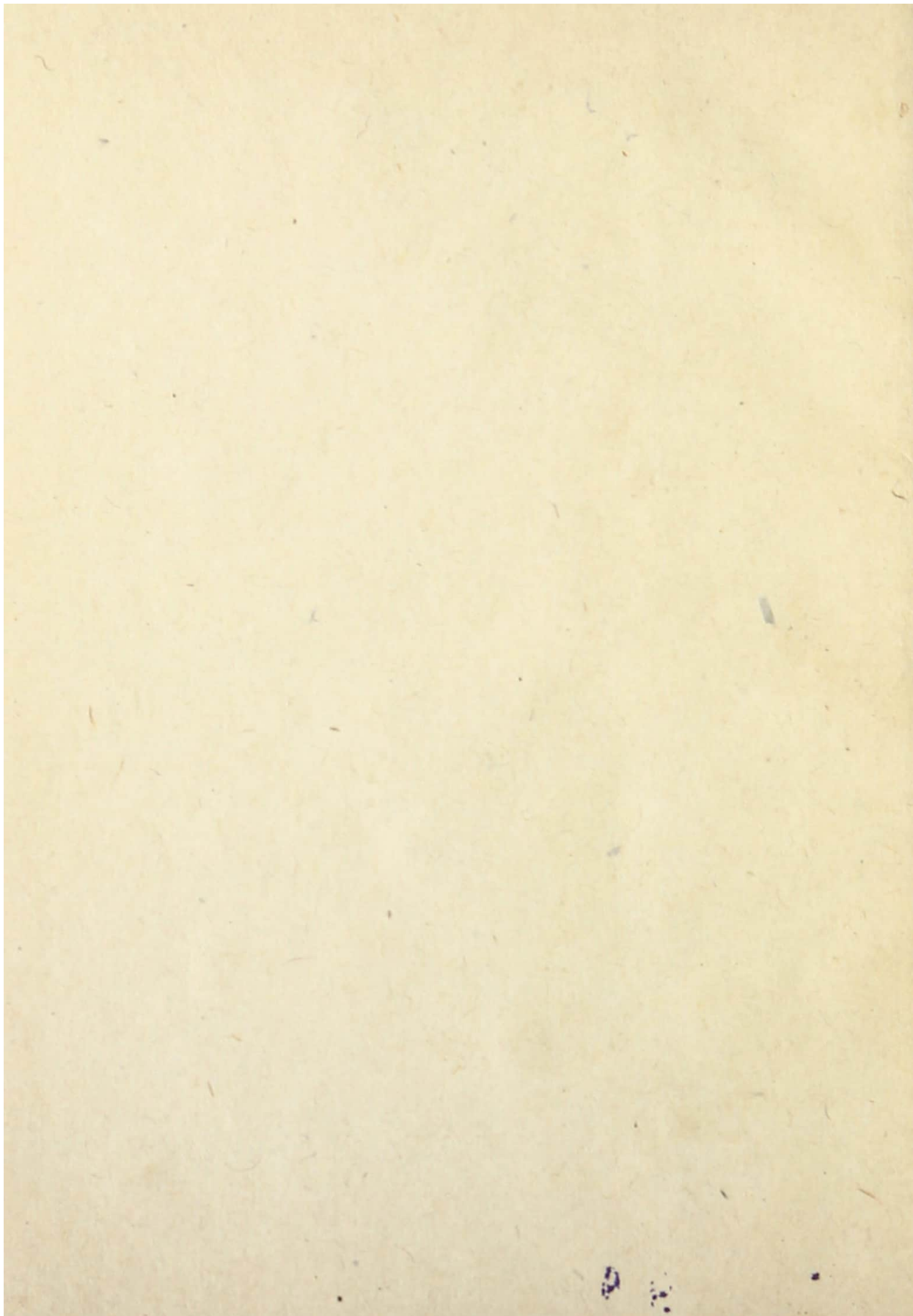
Отдел Краевой

ИВГИЗ

№1582к

СОЮЗ
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
ИПО

а. благов

перестройка

стихи

Ивановская Обл. Научн. Библ.

Отдел Краевой

1933

издательство ипо

94

редактор дм. прокофьев

оформление вл. голдобина

звенья борьбы

„красная талка“

(Из рассказа рабочего Осокина)

I

Возьми, запиши небогатое слово
о днях пережитых, о нашей борьбе.

Пятнадцати лет
поступил я к Витову¹
засела нужда в деревенской избе.

Хлебов недостаток,
земли в обрез.

Отец поседел и одрях, батрача.
Подросток не меньше большого ест —
вези его в город шершавая кляча.

Пропал за кустарником старый плетень,
пустой полустанок, отец на привале...

Пусть сорок копеек —
за каторожный день,
выхода нет и будет едва ли.

---

¹ Примечания см. в конце стихотворения.

Сказать о хозяине, что я могу?
не часто Витов посещал отделы:
верные слуги
на каждом шагу
оберегали хозяйское дело.

Бились за целость его добра,
Витовский грош
хранили как свой они:
живи, фабрикант, веселей и спокойней —
на свете такая глухая пора.

4
Сейчас вот плечам
за работой вольготно:
тележки по цеху развозят полотна,
под грузом тяжелым не стонет спина.
Не то было раньше:
неси и не мешкай,
сгибайся, как ситцевая волна,
скользи по бетону
двуногой тележкой.

— Хозяин против излишних машин.
К чему они? Легче простая дорога.
Порядки у нас и без них хороши,
а силы дешевой
на улице много.

Подростка потачкой нельзя баловать,
в ежевые руки бери мальчишку.
Иначе — осмелится на слова,

а после — гляди,
возьметса за книжку.

На черта нам нужен
начетчик такой?!
Нам дело хозяйское выполни точно:
дозволит начальство —
ступай на покой,
прикажет — работай
всю ночь сверхурочно.

Стоит ротозей да мигает совой,
не чувствует будто
ни слова, ни взгляда —
беру за вихры... ничего... так надо.
И пусть он,
как маятник часовой,
без смены качается у самоклада!

Вас много. Попробуй пусти вразброд —
хозяйская шея не стерпит, пожалуй.
Мы служим по чести,
и дело идет —
на фабрике кормится старый и малый.

Утроим старанье,
чтобы развилась,
окрепла „Витовская мануфактура“..
...Таковыми речами
воспитывал нас
смотритель Рогов — продажная шкура.

Пятый год ударил в набат,
 полный вихря и натиска строгого.
 Прежних своих не узнали ребят
 испуганные Витовы и Роговы.

Стоп машина!
 Придержи ремень —
 ситец обрызганный потом и кровью!
 Восьмичасовой рабочий день!
 Повысить ставки,
 улучшить условия!

6

Площадь дыханьем тысяч горяча.
 Улиц каналы полны до края.
 Вместо трибуны —
 плечо ткача...
 Тише! Слушайте!
 Говорит Дунаев.²

Это начало. Первый прием.
 Будут иные слова и лица;
 город возьмет небывалый подъем,
 город встанет на славных страницах.

Шаг забастовка печатает свой.
 На камни разлегся июньский зной.
 Площадь молчит.
 Революции песни
 свежей волной омывают предместье.

Не знала таких многолюдных дней,
сверкая в тени, мелководная Талка.
Здесь многим из наших
витовских парней
впервые дана
боевая закалка.

Ночь приходила не только для сна.—
Тропинки лесные. Пароль. Тишина.
Идем на массовку.
(Пусть вяжет ненастье
шаги и оружие проклятых шпиков!)
Беседовал с нами
„Отец“ — Афанасьев,³
старейший из партии большевиков.

7

Отсюда в ущелье фабричной казармы,
в темень квартиры несла молодежь
зрелую ненависть
к царским жандармам,
ясный ответ
на поповскую ложь.

III

„На Талке крамола.
Смести беспорядок!—
орали статьи полицейских газет:—
Разбить, разогнать это глупое стадо!
В тюрьму незаконный
рабочий совет!“

А „Талка“ училась.
Порою, как пламя,
ширилась песня то там, то тут:
„Вихри враждебные воют над нами,
темные силы нас злобно гнетут“...

Смелел по часам размах забастовки.
К свету, к свободе пути стеля,
в тысячах рук
прошуршат листовки
и по проселкам— дальше в поля.

8
Зверели торговцы:
„Сосал-демократы...
Та-ва-ри-щи...
Знаем мы вашего брата:
Расею жидам продаете сполна.
Посмотрим. Потерпим.
Помедлим малость...
В стране православная вера сильна,
к царю и начальству
любовь не порвалась“.

По городу казаки—волчьей стаей.
А „Талка“ требует громом голосов:
„Чего любоваться?
Задача простая —
наши магазины!
К чорту засов!

Для забастовки разгрузим склады.

Всех не взять плетям палачей.
„Братья Петровы“ и прочие гады
слишком распухли
за счет ткачей.“

И было—
скулили купцы-обирохи,
что даром уплыли их кровные крохи.
Но разве остатками с их стола
семьдесят дней
забастовка жила?!

Нужда, проводив нас,
встречала у хижин,
хозяйкой вступала за каждый порог;
лишь помощь товарищей дальних и
ближних
смирjala угрозы
голодных дорог.

IV

Пыльную улицу вдоль разрезав,
вылетел за город конный отряд.
С желтым околышем вровень железо,
под козырьком полупьяный взгляд..

Что для них „Талка“?
Пойдут на брата...
Шашкой родного отца по глазам,
если приказывает губернатор,
если ведет Кожеловский⁴ сам.

Вот она, Талка.
За ней другая—
пестрая, живая, людская река.
Верна астраханцу нагайка тугая^б
в кровавой расправе не дрогнет рука.

Да. Не для слов налетели бандиты.
Залпами скомкан приказ: „Разойдись“.
Рыхлую землю взрывают копыта...
— Бешеной россыпью...
С берега... вниз...

10
Выстрелы. Стоны. Крик стоголосный.
Носится ястребом желтый лампас.
Только сосны, безмолвные сосны
смели тогда заступиться за нас.

Что же? Хотели в ружейном гуле
похоронить раскаленные дни?

Нет!

Ни нагайкой, ни шашкой, ни пулей
наших сил не сломили они!

Кандалная ссылка сменяла расстрелы,
но ветер „Талки“
хлынул в корпуса;
волной небывалой ворвался смело
в пропитанные старью голоса.

Не ждали мы щедрости капиталиста:

Немногим осталась
покорность раба.

Стало для нас дорогим и близким
слово немеркнущее — борьба.

Слово, подобное вешнему грому,
перед которым дрожат враги.

Мы пронесли его через погромы,
через курганы славных могил.

Взорваны старых законов основы,
мусор истлел и порос травой.

В жизнь повторенное Лениным
слово

поднял мир над своей головой.

✓

Живем без хозяев. Хозяева сами.

Отцвел, откачался „Витовский бор“.

„Красная Талка“ шумит корпусами
в новый поселок, в широкий двор.

Стекло этажей, как заря над горою,
их нервы — железо,
оправа — бетон.

Прекрасную песню советскому строю
сложили сто тысяч стальных веретен!

Цеха фабриканта взяты в обработку —
они перед нами в обличьи ином.

Гремит реконструкция

полной походкой
витовскую гниль обрекая на слом.

Отделом моим я не буду хвалиться
и промахи наши у всех на виду,
но в бой за высокое качество ситца
все новые силы идут и идут.

Прольется изъян на узорные ткани —
отмеряны метры по низкой цене;
зияет прорыв в производственном плане
изъяны отдела лежат и на мне.

12

И если в газете я числюсь рабкором —
со мною вся смелость
партийной строки.
Пусть фабрика знает о людях, которым
труд добросовестный —
не с руки.

Истоки побед — это мощь коллектива,
страна миллионов —
хозяйство одно.
На наши изъяны, на наши прорывы
лишь недруг способен глядеть холодно.

Прогульщика мы осадим, как надо,
а разве в цеху не осталось врага?
Нередко в упор по отсталым отрядам
стреляет словами
кулацкий слуга:

„День был и прошел...
Подсчитают и баста...
Здесь нашего нет.
Держись за свое.“
Рабочий-партиец на этот участок
судьей и дозорным сегодня встает.

Примерной работой он многих поднимет,
ударное время научит беречь;
верных дорог никогда перед ними
не затуманит чужая речь.

¹ Ситцепечатная фабрика быв. Витова. Рядом с нею, где раньше был сосновый лес, построена новая прядильная фабрика. Обе эти фабрики носят название „Красная Талка“ в память революции 1905 года.

² Тов. Дунаев, виднейший оратор, вождь экономической забастовки в Иванове в 1905 году.

³ Федор Афанасьев—„Отец“. Вместе с Балашовым, Фрунзе и др. тов. Афанасьев руководил революционным движением в Иванове в 1905 году.

⁴ Кожеловский — ивановский полицеймейстер.

⁵ Казаки-астраханцы были постоянной охраной ивановских фабрикантов.

„пролетарская победа“¹

1

14

Еще гудок не кинул зов
за стены стройных корпусов,
а путь любой,
что к ним пролег,
уже трамбуют сотни ног.
Простой работников наряд —
синеют блузы,
с ними в ряд
рядой колышутся цветки—
работниц алые платки.
Но вот
густой своей волной
округу будит гул тройной,
и с новым днем
станковый хор
пустится в долгий разговор.

2

А вспомнишь дни —
цвела весна,

---

¹ Текстильная фабрика на Клязьме.

природа песни ей неслá.
Зеленый дым бродил в лесах,
стеклом казались небеса,
и ветер ласковой молвой
дышал над первою травой.
Но блеск весны
у нас в груди
тогда восторгов не будил.
Веселый май едва настал,
в последний раз по утру звал
нас за станки родной гудок,
чтоб замолчать
на долгий срок.
Настанет завтра, но для нас
не прозвучит в урочный час
знакомый крик,
и маховик
предельной скоростью своей
не закружит тугих ремней.
Закроет топки кочегар,
погаснет в них бессильный жар,
как лампа в бедной конуре —
ни дров, ни угля на дворе.
И грустно будут с берегов
глядеть громады корпусов
на ленту Клязьмы,
что вчера
в волнах сквозного серебра
кудрявый отражала дым,
облитый солнцем золотым.

Это был восемнадцатый год:
 Напряженные дни и ночи.
 Боевое упорство
 страны рабочей,
 непрерывный военный поход.
 Голодовка,
 разруха,
 враждебные пики
 обступили советский порог.
 Только Ленина разум великий
 побеждать в это время мог.

В наши двери обман
 пробирался с поклоном,
 друг - предатель ломился плечом,
 но в себе мы носили
 крепчайшим законом
 слово, сказанное Ильичем.

На смертельную схватку,
 на труд,
 на учебу
 шли по зову вождя полки.
 Мы умели гасить
 генеральскую злобу
 и в цехах пробуждать станки.

Лесной чащобе не заснуть,
 не задремать в былом покое.

Уже проложен торный путь
в ее молчанье вековое.

Под грохот сотен топоров
на бледный мох лажатся рядом,
шумя зеленым водопадом,
стволы развесистых деревьев.

Зубастых пил поют полотна,
тревожит вегер мимолетный
опилок пыльную струю,
а на места прохладной тени
лучам открытые сажени,
сажени белые встают.

17

Жара томит,
рубахи жестки —
соленый пот оставил след...

На скудный, мизерный обед
сменить отцов идут подростки.

И вновь грохочут топоры,
пластая грузные поленья...

Жара томит
и нет спасенья
от ядовитой мошкары.

Была к себе забыта жалость.

Заброшен крик: „повремени“.

Больных речей,

угрюмых жалоб

никто не пролил в эти дни.

Мы знали —

кроме нет исхода
дорог иначе
нет для нас:
в тисках бунтующего сброда
притих обстрелянный Донбасс.
Он не согреет наших топок
могучим угольным огнем.
Лежит в запасе добрый хлопок,
и ткач печалится о нем.
И пахарь в дальней глухомани
от фабрик ждет дешевой ткани;
и будет хлеб его полей
ценой за метры миткалей.

18

Растите, белые сажени!
Не сдаст рабочая рука
в борьбе за полное движенье,
за песню каждого станка.

5

Горит и гаснет листьев пламя.
К земле склоняется туман.
Но дни бегут,
и над полями
пылит холодная зима.
Она спешит.
Под шагом веским
звенит проселочная грудь.
Через поляны к перелескам
улегся легкий санный путь.
Цветистым инеем березы

мороз узорит по утрам,
и дров несчетные обозы
плывут к фабричному двору.

6

Было много дорог суровых,
было столько же громких дней;
надо выковать
новое слово,
чтоб о них рассказать полней.
О борцах, что стояли на страже,
побеждая нужду и смерть,
о заводах, о фабриках наших
надо тысячи песен спеть.
В жизнь идите
сплоченным строем
вы, поэты свободных лет,
пусть не будет
забытых героев
на путях пролетарских побед.

недопетая песня

Живой маяк над морем старых стран —
одна страна рабочих и крестьян,

Страна, как утро мая, молода,
страна свежа, как горная вода,
страна богата песнями в труде,
каких покуда не поют нигде.

Счастливейший, я в той стране рожден,
навек слит с ее людским дождем.

Таких дорог, что проторены в ней,
на свете люди не найдут верней.

Горят огни ее высоких вех
яснее дня для каждого, для всех,
кто твердо верит в пролетарский класс,
кто совести буржуям не продаст,
кто не боится ни тюрьмы, ни ран
в борьбе за власть рабочих и крестьян.

Была страна безвыходной тоски.
Томилась мысль зажатая в тиски.
За каждый шаг из рабской кабалы,
за вольный вздох гремели кандалы.
И жизнь твоя—изгнание и острог,
и меряй горе каторжных дорог.
Была страна плетей и эполет;
до тла спален ее постылый след.

Мы пепел тот смели со всех путей.
Былое время—повесть для детей,
где говорит отцовская страда
за первую Республику труда.

22

Им нужно знать веков кровавый гнет,
чтоб равнодушно не смотреть вперед,
чтобы трудом прославя жизнь свою,
вождями быть в учебе и в бою.

Идем к высотам ленинских идей —
хозяева заводов и полей.

Единство сил рабочих и крестьян
вершит победно пятилетний план.

И здесь, и там ударников полки —
испытанный народ — большевики,
и рядом комсомольская семья —
товарищи, герои, сыновья.

На свете нет и не было чудес.
Великой волей создан Днепрогэс,
гудит Магнитогорский великан —
как хочет власть рабочих и крестьян,

И есть металла миллионы тонн,
и ярость вод закована в бетон,
и в небе стаи краснозвездных птиц,
и зоркий страж поставлен у границ.

Текстильный край, где жил я много лет,
тебе рабочий песенный привет!
Дополнить песню я хочу тобой:
меня взрастил батанов звонкий бой,
я изучил машинный разговор,
я песни пел про ситцевый узор
и вновь пою. Гордись, моя строка,
призывами трехсменного гудка!

23

Знакомые поселки, города.
Нет, вы не те, как... помните... тогда?..
Гнилье хибар сметают этажи
и улицы от зелени свежи.
И это все: широкий шум садов,
спокойный бег электропроводов,
просторных комнат светлая краса—
за новый быт большие голоса.

Текстильный край... Но в песни веретен
врывается металла грузный звон:
вступает в строй завод Торфомашин,
а мы вперед торопимся, спешим,
и в эти дни выводим на парад
могучий Ярославский комбинат...
Текстильный край, где жил я много лет,
тебе рабочий песенный привет!

Живой маяк над морем старых стран—
одна страна рабочих и крестьян.
Страна, как утро мая, молода,
страна свежа, как горная вода,
страна богата песнями в труде,
каких покуда не поют нигде.
Счастливейший,
я в той стране рожден,
навек слит с ее людским дождем,

1932

на западе

Он жив,
мировой полицейпрезидент;
он биться готов
за доходное место,
он первый ответит
на вспышку протеста,
он весь—наступленье
в опасный момент.
Активной работой
штыка и снаряда
он ставит страну
в „надлежащий порядок“.

Рабочую силу,
как лишний балласт,
швыряет на улицу
власть капитала.
И катится вниз
производство металла,
и в шахтах недвижим
сверкающий пласт.
Но сжатые кризисом
лорды и паны
усиленно гонят
военные планы,

На этом пути
безработицы нет:
готовятся танки,
суда, пулеметы,
„вожди“ формируют
фашистские роты,
предчувствуя славу
„великих побед“.
Но славы не будет,
надежды напрасны—
ряды коммунаров
растут ежечасно.

26

Ряды коммунаров
всегда на посту...
Врага ненавидеть
умеют и дети.
Борцы не боятся
ни пули, ни плети,
предателя
видят они за версту.
Тюремная темень, приказы винтовок
не сломят упорной волны забастовок.

Живет мировой полицейпрезидент.
Мы слышим
до крови охочего ворона,
живет для того,
чтобы встретить позорно
последней отставки
последний момент;

и словом и делом
лакей капитала,
живет он, покуда
гроза не настала.

Он против восстаний.

„Молчите, рабы,
свобода придет
и без вашего зова.

Иначе... законы карают сурово
мятежную волю
слепой голытьбы.
Любите отчизну
и помните свято
разумную речь
социал-демократа“.

Проклятая песня,
предательский звон...
Пусть жалкие трусы
застынут в покое...
К восстанью, товарищ,
к оружию,
к бою!
Развертывай смело
полотна знамен...
Покончить с обманом
пора наступила —
в компартии
наша свобода и сила.

партия

Вот он, как день,
на всемирной карте —
верный путь
большевистской партии.
Смело летит он,
просторы верстая,
в знойную Индию,
в глушь Китая.
В каждой стране
в неизбежные сроки
зреют наших побед уроки.
Что же, товарищ,
дремать мы станем,
радуясь бурям
далеких восстаний?..
К социализму
замедлим шаг,
воздухом вольным
спокойно дыша?..
Нет! В эти дни
отдыхать позабудь,
выстелем стройке
гранитный путь,
чтоб всколыхнул
зарубежные страны

мощный размах
пятилетнего плана.
Нам ли скучать
от будничной прозы!
Мы — на заводы,
мы — в колхозы,
мы за ударные
темпы труда,
мы за единство
в наших рядах.
Слышишь, — на Западе,
слышишь, — в Америке
злоба на нас
гелосит до истерики...
Ей бы царить
над колониями гордо,
ей бы приказывать
глоткой Форда,
ей бы разбить
(не своей головой)
штаб революции мировой...
Что же, товарищ,
дремать мы станем,
меряя силы
в проклятом стане?
К социализму
замедлим ход,
время кидая
в пустой расход?..
Нет!..
Не дошли мы

до обстановки—
бешено строя,
готовь винтовки!

1929

бригады

торфмаш

I

Дымный город остался в тумане.
Тормозит Вестингауз.

И вот

без конца разлеглась перед нами
ширина черногрудых болот.

Вдаль уходят прямые канавы,
разрезая на карты поля.

И без счета —

налево, направо

торфяные стоят штабеля.

По полям, по равнинам пологим

тонкорельсые вьются дороги,

у карьеров машины гремят,

с полным грузом бегут вагонетки...

Здесь за норму,

за план пятилетки

полыхает работа бригад.

Но нередко

молчат, обессилев,
в пыль одетые локомотивы.
И на фрезерном поле мотор
вдруг забудет крутой разговор...
Медлят руки
на штабельной кладке,
обрывается рост скоростей,
оттого что машины в достатке
запасных не имеют частей.
— Больше торфа! —
кричат нам заводы —
Надо норму поднять до вершин...
А у нас для ударной работы
нехватает надежных машин.

32

Это было вчера,
но не будет сегодня.
По дороге побед
мы идем неуклонно вперед.
Над глухим пустырем,
над окраинной ивановской поднял
цементовые плечи
красавец машинный завод.
Если здесь корпуса
встали гордо тяжелым бетоном,
и над каждым бревном
хлопотал говорливый топор, —
там, над ширью болот,
над горячим рабочим сезоном,
не повиснут слова:

недогрузка,
                    прорыв,
                            недобор.

Знойный август.
Закончены прочные стены.
Наши темпы решили задачу
в трехмесячный срок.
Стойкий плотник
бетонщику вышел на смену,
чтобы **выполнить** в пору
сполна большевистский урок.

33

Надо было спешить,
боевая пора торопила,
запоздает подъемник —
плечами выносятся груз...
Треугольником точным
на балки вставляли стропила,
болтовые скрепленья
врезались в обструганный брус.

До ночной темноты
перекличку вели эстакады.
Каждый час был отмечен
напряженной борьбой.
И была впереди
Щелкунова Василья бригада,
сверхударной работой
увлекая других за собой.

В бригаде все семнадцать сил
слились в один напор;
из них любой в ответе был
за твердый договор.

Они сказали:
— цель одна
объединяет нас.
Сегодня вновь
дает страна
ударникам наказ.

Вставай на дело до поры,
готовься, как на бой, —
наладь рубанки, топоры,
пока досуг с тобой.

Рабочий план
широк и прям,
держи его в чести...
Нам нужно вставить
сотни рам
и крыши навести.

Остался месяц для труда,
а там того и жди:
надвинет осень холода
и частые дожди.

Штурмуй работу
в эти дни,
минуту не просрочь!

Над верстаком
зажги огни,
когда настанет ночь:
Ударной стройки не сорвать —
задача высока...
За выходной голосовать
воздержимся пока.

Прогульщик встанет
между нас —
ему презренье брось.
На острие хозяйских глаз
возьми ничтожный гвоздь.

Топор не даром простучит,
пила не зря споет —
в заводский строй
весна включит
еще гигант - завод.

В бригаде все семнадцать сил
слились в один напор.
Из них любой в ответе был
за твердый договор.

Еще рано дождям
наступать на зеленые рощи,
напоенные солнцем
предосенние дни хороши.
Под лучами блестит

перекрытий огромная площадь —
это крыши растут
над заводом торфомашин.

В деле двадцать бригад,
все они на виду, без прикрасы.
На широком щите
имена бригадиров прочти:
впереди Щелкунов,
вслед за ним Большаков и Саврасов,
ниже те, что далеко
отстали в ударном пути.

36

На широком щите
показатели бьют по отсталым:
этот качество снизил
для того, чтобы норму поднять,
тот расчета не вел
по строительным материалам,
не умел экономить
в разгаре рабочего дня.

Знаем мы и таких,
что под общим названием „бращка“
не плечами, а горлом
добивались дешевых побед.
— Нам на все наплевать,
нам дороже своя рубашка —
надо плату удвоить,
надо дать образцовый обед.

Из бригады Фадеева
сыпались выкрики эти.
Подпевал им десяток
фальшивых героев труда:
— Нам сначала подай,
за себя мы и после ответим...
А на черной доске
постоять — не велика беда.

Но живет в большинстве
крепкий опыт бригады первой:
хозрасчет,
дисциплина,
бережливость рабочих минут.
И становятся в ряд
полукруглые, грузные фермы,
и могучие блоки
с лебедками дружно поют.

II

В этих строчках,
в несложной моей поэме
не имел я нужды
фантазировать даже слегка.
Миллионы героев
растут в наше время
на лесах новостроек,
на колхозных полях,
у станка.

Это люди эпохи.

Коммунары по духу, по крови,
закаленные крепко
в упорной работе, в борьбе...
Рассказал мне простую,
короткую повесть
бригадир Щелкунов
о себе.

— В деревенской глуши
батраком · мальчуганом
управлял, как изволил,
богатый мужик.
Голова нагружалась
поповским дурманом,
ерундой из церковных книг.

На мои достиженья
старушонки дивились:
— Больно парень смышлен и востер;
кабы можно из бедности вылезть --
до попа бы, наверно, допер.

Но старух похвала
прошумела, как ветер.
Батрака не ласкала
святая тропа.
В деревушке бедняцкие дети
неохотно встречали попа.

Долгогривый и долгорясы
появлялся он возле лачуг

и гремел оглушительным басом,
на ребят нагоняя испуг.

Улыбались отцы виновато:
— В мелюзге и ума на вершок.
И зерно насыпали лопатой
в необъятный поповский мешок.

Дни спешили.
Покой деревенской дремоты
взбудоражен гражданской войной..
Добиваться себе ремесла и работы
я пошел по округе лесной.

39

Не легко с топором на учебе.
Выйти в люди—не тяп да не ляп;
только я перед делом не сробел—
был хоть молод,
но силой не слаб.

Взяли в руки работники с толком,
овладеть научили трудом.
Не один по окружным поселкам
мною срублен отличный дом.

Ремесло завоевано. Что же?..
Значит точка —
дружи с верстаком
да слоняйся в рядах
трудоустройственной
молодежи
малограмотным вахлаком!..

Нет,
уж если ты выдержал
строгий экзамен
по работе —
не стой на пути.
В наше время с одними азами
далеко не уйти.

В голове еще прошлое бродит,
перепутаны думы,
как тонкая нить...
Чтобы старую песню угробить,
надо новой ее заменить!

40

Как же выйти на свет из тумана?..
Есть товарищи,
но не вожди...
От подрядчика дяди Ивана
культработы, конечно, не жди.

Говорили о собственной крыше,
за грошовые мелочи
спорили всласть,
а подрядчик брал голосом выше
и громил пролетарскую власть,

В грамотеях подобного рода
раньше было не мало огня...
В Красной армии
за два года
обтесали как нужно меня.

Дальше — город.
Строительный гомон,
дни борьбы за великий план
и в колхозной деревне знакомый
раскулаченный дядя Иван...

Песни старые спеты,
похоронены их отголоски.
Мой уверенный шаг
не собьется с дороги прямой.
В эти славные дни
я не только что „плотник писцовский“,
я — труда бригадир,
большевистских колонн
рядовой!..

41

III

Над окраиной гудит
заключительным маршем
величавая песня работ.
На страницах своих
отмечает героев Торфмаша
пятилетки решающий год.

Если здесь корпуса
встали гордо тяжелым бетоном,
и над каждым бревном
хлопотал говорливый топор, —
там, над ширью болот,
над горячим рабочим сезоном,
не повиснут слова:

недогрузка,
                        прорыв,
                                недобор,

Рассыпает металл
по цехам разговор полновесный.
Молодых инженеров
зовет и волнует успех.
На весенней заре
запоют небывалые песни
цех железных конструкций,
ремонтный,
механический цех.

42

Выйдут стаи машин
ворошить торфяные массивы,
чтоб собой заменить
напряженье живого труда,
чтобы хлынул поток
дорогой человеческой силы
на ударные стройки,
в совхозы и города.

1931

Фибра

Разве остынет разгар наступленья,
разве заглохнут дороги побед,
если сплотились
в крепчайшие звенья
слесарь,
текстильщик,
строитель,
поэт!..

43

В общей работе—песня вожатый,
слово призыва—не только звук.
Рабские темпы
бригадами смяты,
сломлены силой
мозолистых рук.

Жили поэты в старое время,
дверь на запоре —
сиди и пиши...
Нынче подай в злободневной теме
стройки героев,
героев машин.

Нынче узнай и пойми —
где причина,

что на заводе прорывов гора,
нынче поэту
не надобно чина,
кроме простого—
работник пера.

Мне дан маршрут
на фибровый завод.
Железный путь до Кинешмы недолгий,
а там садись на местный пароход;
минуты—прочь,
и ты уже за Волгой.

44

Плывут и тают волны над песком.
Широкий скат
и на горе церквушка
едва бормочет медным языком—
могилы просит
дряхлая старушка.

Заводский двор плакатами кричит:
„Долой рвачей“.
„Ударим по прогулам“.
Дробятся в окна яркие лучи,
и белый корпус
кланяется гулом.

Вхожу.

Директор руку подает;
он говорит о темпах, о заводе:

—По-большевистски мы идем вперед,
да только нас вниманием обходят.

Энтузиастов хватка не плоха.
Растут герои трудового фронта.
Но как молчать,
когда у нас цеха
машинам требуют
серьезного ремонта.

Машины есть — обидно подойти:
стучит, гремит —
сплошная суматоха,
вращается без толку, без пути
конструкция времен царя Гороха.

45

Глаза мозолит эта старина...
А мы в стране—
единственная база.
Автозавод,
Резинокомбинат
на фибру шлют
огромные заказы.

Своих машин
пора ускорить ход,
чтоб золото не лить
в буржуйские карманы,
нам нужен мощный
фибровый завод.
Кустарщина—

плохой боец за планы.

В фибровом цехе
довольно простора,
работа бригад горяча.
Энергию буйных моторов
валы-великаны
несут на плечах.

46

Как ситец, с рулона
шуршащая лента бумаги
сползает и тонет
в составе химической влаги.
Число оборотов машина покажет:
сигнальная лампа
скомандует „стоп“.
И фибра
спрессованной тяжестью ляжет
на длинный покатый стол.
Затем диффузоры,
сушилки потом,
и фибра выходит
упругим листом.
Расправит ее гидравлический пресс,
дадут ей каландры и гибкость и блеск...

Работайте руки,
не спите на деле —
вы ценным продуктом
не зря завладели.

Он много дорог
на заводы проложит,
его уж давно поджидают места.
С успехом заменит он
крепкую кожу
и даже, где нужно,
металл!¹

Знает цех не мало неполадок,
знает он и достижений ряд.
Я беру Баженова бригаду,
лучшую из четырех бригад.
Новичков в бригаде половина,
но не дремлет старый руковод —
полным ходом
ни одна машина
без его контроля не пойдет.
В перерыв обеденный в столовке
говорили иовички со мной:
— Бригадир Баженов на фибровке
самый, что ни есть, передовой.
Правда, Котов
действует умело.
С нами спорит,
точно со врагом.
Обгоняет...
Но не в этом дело,
не в процентах дело,

---

¹ Фибра — химическим способом обработанный картон, имеет почти металлическую крепость.

а в другом.

У него все опытные парни,
им работа всякая с руки.

На подбор к ударнику ударник,
а у нас...

ученики.

Сил рабочих, знаешь, недостаток,
было так, хоть волком голоси.

Как придут свежие ребята —
гонят к нам:

Баженов, выноси!..

И выносит. Вот и мы поспели...

Опыт есть, не хвалимся ничуть.

А сначала верить не хотели,
что работа будет по-плечу.

Поступил к нам этакий парнишка,
все, бывало, ноет, не стыдась:

„Не дела тут — хуже, чем делишки.

Стану я терпеть такую грязь...

Шестьдесят где хочешь получу я,
непривычен к ставке дорогой“...

Слышим, парень

не впервой кочует

с одного завода на другой.

И нажали...

Прямо без пощады:

„Заслужил, товарищ,
ну, так, на!..“

Порешили выгнать из бригады
нытика и летуна.

Загорелся парень:

„Нет, не верно —
не совсем я сорная трава“...
С той поры работает примерно
и не сеет глупые слова.

Путь завода правдиво отмечен,
эта правда порой не легка —
говорят незавидные речи
показатели прошлых декад.
Первым делом —
прогульщиков куча —
лето,
Волга,
лесок да трава...
Во-вторых, это — злая текучесть:
где бы плату побольше сорвать.
Мне не мало значительных жалоб
от рабочих узнать довелось.
(Заводской аппарат не мешало б
партячейке прощупать насквозь).
Заявил ударник Понизовкин:
— Руководство слабое у нас,
с профсоюзной, так сказать, головкой
тесной связи нету посейчас.
Между смен идет соревнованье,
против брака выступили в бой,
но учета,
должного вниманья
мы не чувствовали над собой.
Все выходит вроде самотека...

Обезличка царствует ещё.
В производство не введен широко
трудоу хозяйственный расчет.
Цифры есть,
а рядом есть молчанье —
о путях дальнейших не слышать.
В производственные совещанья
целиком не втянуты цеха.

Вакуум-аппарат —
это сердце завода.
Ударит авария —
заводу не петь...
Бегут атмосферы
от паропровода
кипящую массу
сильней подогреть.

Но сердце завода
давно ненадежно.
В тревоге директор,
в тревоге цеха.
И спешная почта
приносит тревожно
заводские вести
к столам ВСНХ:

— Мы ждем аппарат,
мы не можем иначе!..
Все сроки заказов

иссякли уже.
Завод „Компрессор“
работу не начал,
заказы зыбыты,
и нет чертежей...

Уносит почта весть за вестью,
октябрь стучится у двора.
Но все стоит
на том же месте
усталый, старый аппарат.

Все так же атмосферы бьются
в его непрочные бока,
и бригадир товарищ Гусев
следит за днями старика.

51

Он изучил его желанья,
капризы все наперечет.
Он долгий опыт и вниманье
ему любовно отдает.

И льются смены
без простоя.
И бригадир дежурить рад,
чтобы до времени из строя
не вышел старый аппарат.

Каморка тесная —
партийный комитет —

в мои стихи
несет большое слово.
Звучит, как теплый,
дружеский привет,
простая речь
секретаря Смирнова.

Простая речь:
— Не станем на пути,
усталостью
клеймить себя не смеем.
Как достижение
мы уже имеем
пусть молодой,
но стойкий коллектив.

Работники станка его крепят,
и все тесней колонны комсомола.
Мы создали
техническую школу
для тридцати ударников - ребят.

Мы эти силы
вместе соберем
и будем сразу
на голову выше...
Нам только год —
и ты своим пером
о нашей жизни
лучшее напишешь.

Уже настал
желанный поворот,
грядущее
не прячется в тумане.
Не позабыт
единственный завод,
он на виду стоит
в великом плане.

Здесь будет
фибровый воздвигнут комбинат,
мы для него работников готовим.
Перед огнем любых преград
своих шагов не остановим.

53

1931

день в ярославле

(Лирическая поэма)

I

Трамвай ярославский
не слишком спешит —
убит стариною сердечный.
Его пассажиры
ворчат от души
при слове кондуктора „встречный“.

54

Завязла в камнях
одна колея,
другая рожденья не знала.
Едва через час,
посудите друзья,
я в город попал от вокзала!

Сидел на разъездах
готовый заснуть,
и думалось как-то невольно:
прекрасное дело —
автобусный путь,
асфальтовый, гладкий, раздольный.

На стыках тебя
не толкает сосед,
читай себе строки „Известий“.

А если ты —
преданный песне поэт, —
обдумывай новые песни.

Страна, как один,
голосует за то
(мой голос со всеми сливаю):
во всю свою скорость
катитесь, авто,
на помощь коню и трамваю.

Мы в Нижнем
построили автозавод,
Такой, что Европе далеко.
Рука автоматов
детали ведет
сквозным, непрерывным потоком.

55

Он даст ежегодно
сто тысяч машин
заводам, колхозам и трестам.
Но если колеса
оставить без шин —
машины не двинутся с места.

Не мало дефектов
нависло сейчас
над жизнью текстильного центра:¹
простои авто

---

¹ Иваново.

остигают у нас
довольно большого процента.

А город имеет
внушительный рост.
(Смотри специальную справку).
Приводит в смущенье
автобусный хвост
смирненную винную лавку.

Желающих ехать
главбуху не счесть;
дороги, как зеркало, гладки...
Зачем не дана мне
высокая честь
садится с передней площадки?!

Зовут города
и просторы полей
(мой голос сюда же вливаю):
советские шины,
бегите скорей
на помощь коню и трамваю.

И новым гигантом
цветет целина
в глуши ярославских окраин.
Резино-асбестовый
ком-би-нат
сегодня их полный хозяин.

Квадратом обширным
он здесь завладел,
повел поездов эшелоны,
где ветер о волжских
раздольях гудел,
волнуясь над бором зеленым.

Я видел картину
с высоких лесов
(в мечтах не жила такая):
из глаз убегали
ряды корпусов,
озерами стекол сверкая.

Там — насыпь крутая,
дорожная сталь
и звонкие горы металла...
Там сердце заводов —
электроцентраль —
бетонной скалой выростала

Огромное сердце
в свои провода
включат полтора Волховстроя...
Так пусть же спешит
по дороге труда
трехсменка, забыв о простоях.

Нас время к заветной
ведет полосе,
нас время несет на вершины;

асфальту столиц,
полевому шоссе
дадим ярославские шины.

II

Высокие стены
за сетью лесов —
железо в бетонной оправе.
Гремят барабаны,
глотаю песок
и крепкий сверкающий гравий.

Я обнят лесами,
глубоков низу
хлопочут бетономешалки;
тяжелые тачки
ползут и ползут
на влажные своды, на балки.

Но лучшие строки,
что пишет рука, —
тебе, боевая бригада:
привет вам, ивановцы,
от земляка!
Вам песня, как музыке, рада.

Для песни возьму я
живые слова:
ячейки,
фабкома,
рабочих —

такие ребята
имеют права
назваться примером для прочих.

Их день говорит
голосами побед,
их воля оружия не сложит;
сегодня до нормы
кратчайший пробег
записан в итог молодежи.

Когда барабан
сиротливо молчал,
срывая работу на сводах,—
веселой улыбкой
никто не встречал
до срока свалившийся отдых.

На помощь отсталым
ребят не гони—
без зова нагрянут к лопатам...
В горячее время,
в ударные дни
безделье—товарищ растратам.

Бригада шестая
тащилась в хвосте,
дремала под критикой едкой:
„Шагают работнички
в день по версте...
Куда им спешить с пятилеткой!...“

Шестая был
беспартийная сплошь —
(к подбору порой мы не строги) —
сырой матерьял,
новички, молодежь
с далеких окраин Мологи.

Но сила проснется —
она не мертва —
декады летят не впустую:
сегодня уж месяц,
как ваша братва
ведет на буксире шестую.

60

Разумное слово —
прекрасный урок,
движеньё к намеченной цели...
В бараке до полночи
ласковый ток
глядит на пустые постели.

За спором беседа,
и сизнова спор,
и дружных согласий раскаты,
и вновь легковесный,
чужой разговор
разбит большевистской цитатой.

Так день отдается
бетонным пластам,
и новым товарищам — вечер.

Где трудных путей
не пугаются, там
победный конец обеспечен.

Мы видим не прежних
отсталых парней,
что были булыжника жестче:
и чувствуют глубже,
и судят верней,
и смотрят иначе на вещи.

Забыли стоять
за чужою спиной
вредители всех категорий.
Шестая идет
не последней волной
в шумливом строительном море.

III

На Кордном заводе
гремят ватера,
солдаты стального парада, —
все эти машины
лишь только вчера
родились в цехах Ленинграда.

Нам технику взять
непрерывной борьбой,
итти нам путями своими,
чтоб каждый станок
закрепил за собой
советское славное имя,

Над миром чёрна
буржуазная ложь,
кровавым банкирам не спится.
Враждебному стану
ответь, молодежь,
единственным словом: „учиться“.

Ждут лучших работников
тысячи мест
на фронте труда и науки:
надежные шины,
добротный асбест
дадут нам умелые руки.

62

©

Громоздкую поступь
монтажных работ
до вечера слушает
шинный завод.

Обычные восемь
уйдут с циферблата.
Но ежели надо —
удвоены дни.
Торопят ударники
рост комбината,
ребята ивановцы
здесь не одни.

Строительный путь —
это высшая школа:

волнуют слова,
зажигает пример...
Вливаются сотни
в ряды комсомола,
и в партию
старый идет инженер.

Как песню борьбы,
молодежные речи
я слушал на слете
монтажных бригад:
„Любое задание
возьмем мы на плечи,
смонтируем к сроку
любой агрегат“.

Но ежели тормоз —
деталей нехватка?..
Мы знаем,
мы видим,
чья в этом вина...
Товарищ механик,
с таким расписанием
от срока далеко
уйдет комбинат.
Завод механический
даст нам детали!
Товарищ механик, —
ваша рука! —
побольше вниманья
к железу и стали,

к рабочим прорывам,
к движенью станка.

А мы, комсомольцы,
не сдрейфим на деле:
монтажники все —
кузнецы, слесаря
широким потоком
резиноизделий
мы будем приветствовать
дни Октября!

IV

64

Июльскому солнцу
довольно гореть.
День жаркий томительно долог.
И вот бесконечной
толпой фонарей
рассвечен рабочий поселок.

Огни общежитий
на отдых манят,
приветливо кличут столовки.
Но рядом трамвай
поджидает меня,
готовя свои остановки.

Вокзал. Многолюдье.
Знакомый перрон.
Иваново — без пересадки.
Исправный автобус.

Квартира. Перо.
И новая песня в тетрадке.

В напеве простецком
звучит Ярославль —
не древний, звонливо-поповский,
не тот, о котором
когда-то писал
высоким стихом Семеновский:¹

„Скажи: Ярославль —
и в груди загудит
торжественный благовест медный...“
Тому Ярославлю
не быть впереди
на нашей дороге победной.

По воле народной
сметает рука
замшелые стены соборов.
Над Волгой растет
молодой великан,
советской индустрии город.

Июль 1932 г.

¹ Д. Н. Семеновский известный поэт-ивановец, написавший стихотворение „Ярославль.“

отсталая улица

слово соседа

Расходились десять раз, не меньше.
Ссорились, как лютые враги...
Есть у нас еще не мало женщин,
верных слуг
горшка и кочерги.

67

Ты толкуешь:
мы теперь окрепли,
наша стройка
удивляет свет,
А жена рассыплет сотню реплик
на твою политику в ответ.

— Разве дело,
разве дело это —
исковеркать, изломать всю жизнь...
Старый хрыч,
безбожник ты отпетый,
да на что мне твой „сыщиялизм“?..

Чтобы вырвать ржавые корни,
я полжизни б, кажется, отдал...
Зачастую этакие пренья
выливались в форменный скандал.

Напоследок бросишь —
„чорта в стуле“,
проклянешь дурацкую брехню.
И пойдешь под холодом сутулясь,
у партийца-друга отдохнуть.

Ты не смейся...
Это битва тоже,
трудная, жестокая борьба...
Будь бы я, к примеру, помоложе, —
не сдержала бы своя изба.

Шесть десятков за плечами виснет.
Злая хворь лупцует, точно плеть.
Но и с этим
на дорогу жизни
не могу по-старому смотреть...

1932

поворот

Еще вчера прогульщик отъявленный
около Госспирта плясал трепака.
Грустил станок, без призора оставленный;
какое прогульщику дело до станка?!

Сегодня пьянка, веселье за ночь,
завтра в башке барабанный бой.
Не встанет почтенный Иван Иванович,
хоть в самое ухо греми трубой.

69

„Налядили, знаешь:
поднять работу,
как будто без этого мало монет...
День от декады
отрезал и все тут,
ращета не выдадут... —
Законов нет.“

Речь прогульщика всем знакома.
Прогульщик навстречу — куда ни ступи.
Постановление
Цека и Совнаркома
Иван Ивановичей ставит в тупик.

„За день прогула — иди на все четыре...“

Ни продовольствия тебе,
ни промтоваров...
Довольно, скажут,
пожил в удобной квартире —
очисти место, уважаемый товарищ.

В общем картина получается плохая.
идет насупротив даже близкий сосед,
Бабы косятся, совсем тебя охаяв:
такая, мол, работа
и нам во вред.

Газета полна:
„Привет постановлению!“
И подписи, как видно, не будут редеть :—
вступаем в борьбу
с прогулами и ленью;
лодырю не место
в нашей среде!..“

Все эти условия
мало подходящи...
Придется литровку
к чертям послать...
Точка.
Приступаю к работе настоящей
немедленно.
С сегодняшнего числа!“

серьезная мелочь

На окраине отсталой
быть поэтом толку мало.
Несмотря на то, что солнце
здесь рифмуется с оконцем,
несмотря на то, что ночью
звезд веселых многоточье
с блиновидною луной
любит шляться за стеной, —
несмотря на все на это,
здесь неважно жить поэту...
Ты — культурный человек:
ты таскаешь в голове
не пустые думы, фразы, —
социальные заказы:
лозунги, стихи, поэмы
на сегодняшние темы...
А тебе под самый нос
старых песен валят воз.
„Ванька-ключник“ первым делом
слышен в хоре оголтелом.
В то же время возле речки —
(не в глаза тебе, так в бровь!)
„Потеряла я колечко,
потеряла я любовь“...
„Во субботу день ненастный“

беспокоит вечер ясный,
Эту песню, как набат,
кроет буйный „Хаз-Булат“.
„Мой костер“, „Златые горы“
лезут в окна, точно воры,
хлещут в уши через край,
хоть ложись да помирай!..
За двором скулит тальянка:
„Погадай-ка мне, цыганка,
я давно тебя ждала“...
Только скажешь:
— Ну, дела...
Я убрал перо на полку—
все равно не будет толку...
Не напишешь пары строчек,
мысли сняло, как рукой, —
„Что за садик, за садочек,
сад зелененький такой“...

вопрос

Мой несчастный, бедный обыватель,
как тебе, дружок, не горевать —
полиняла краска на кровати,
где возьмешь ты новую кровать?

У тебя муки нехватит на год,
не жирна баранина во щах...
Как несешь ты столько разных тягот
на своих измученных плечах...

73

Жить один привык ты дозареза,
из наук не зная ни аза.
Очутись ты на скамье ликбеза —
прошибет отчаянья слеза.

Шут с тобой...

Сиди, кормилец, дома,
отдавай толкучему досуг,
Где любая сплетница знакома,
что ни рожа — закадычный друг.

Все тебе бы обвинять кого-то,
зло смеяться и махать рукой:
— У людей счастливая работа
и трудом не купленный покой.

— Говорят: мы строим жизнь иную...
Эта жизнь, известно, не для нас.
Эй, извозчик, подвези в пивную —
пить, так пить, никто нам не указ.

Пусть живут.
А мы своим манером —
по примеру деда и отца...
Чтобы сын мой вышел пионером?! —
Лучше в воду сунуть сорванца...

На заводах завели порядки:
как свое, чужое береги...
Заболят от праздника лопатки —
отдохнуть минуты не могли...

— Друг ты ситный,
на меня не сетуй,
сам себя обидой не тревожь,
но ответь —
с политикой вот с этой
до какой ты станции идешь?!

содержание

звенья борьбы

„красная талка“	3
„пролетарская победа“	14

наше знамя

недопетая песня	21
на западе	25
партия	28

бригады

торфмаш	31
фибра	43
день в ярославле	54

отсталая улица

слово соседа	67
поворот	69
серьезная мелочь	71
вопрос	73

*

А. Благов. Перестройна (стихи)
Издательство Ивановской промышленной области. Г. Иваново.

Редактор *Дм. Прокофьев*
Оформление и техредакция *Вл. Голдобина*

Бум. 72×110/32. Тир. 3000+190 экз. 2³/₈ печ. л. Ивгиз № 589.
Сд. в набор 17 янв. 1933 г. Подп. к печати 4 мая 1933 г. Обллит № 1599.
Зак. № 313. Газетно-журнальный комбинат областного издательства
„Рабочий край“. Г. Иваново, Типографская, 4.

